

* * *

Возможно, я был живописцем во Фландрии.
Вряд ли лучшим в цеху.
Глядел, как проходит сквозь город замёрзшая армия,
Как тени ночуют в снегу.

Женился, наверное, и слышал шелест подола
За дверью своей мастерской.
Любил, должно быть, потому что потом надолго
Застывал с поднесённой к пейзажу кистью,
Со сведённой как будто рукой.

Потом родился в другом раскладе.
Кажется, светописцем.
А Фландрия всё ещё снится.
Белая, супом пропахшая Фландрия,
Снится чего-то ради.

* * *

Так или иначе всё будет расти.
Репей поднимется выше коринфской колонны,
чтобы, рухнув, вернуться
к муравьиным склонам,
стрекозам, ужам, своему размеру.
Философ множество раз сменит веру,
чтобы зимой, глядя на крышу тибетского храма,
похожую
на дачную шляпу мамы,
понять, он по-прежнему верит в родителей.
Хакеры наденут полосатые тройки блюстителей,
чтобы количество пуговиц
было ключом кода.
Что-то изменится всё-таки?
Именно «что-то».
В парламент пройдут кликабельные котики.

* * *

Их вождь был в белом
с фотоаппаратом.
Эстет и, говорят, эксплуататор
животных мохнорогих
и копытных.
Там будет видно.

Был город чист, и стены чуть сверкали,
как рафинад.
На пальме блеск гирлянд,
на площади центральной.
Мы встречали
их новый год,
который год подряд.

Мы говорили на чужом наречьи.
Мы надевали крылья
каждый вечер
и номером скрепляли на груди.
Подобие по праву взятой власти
их вдохновляло.
Нам казалось счастьем
то, что они — тараном — впереди.

Заметка

Мне кажется, Далай-лама смотрит футбол,
ходит инкогнито на дискотеки,
иногда собой освещает танцпол,
снимает город из-за стекла машины,
качает треки.
В общем, делает то,
что делает человек в человеке.

Мне кажется — он настолько велик,
что ему не хватает
огней ресторана, как букв священных книг.

И еще я практически вижу: он на заправке
покупает кофе
и улыбается псу, который давно разучился гавкать.

Зимние праздники

Гульбище.
Куль пицци
в руке соседа.
Флюиды пятничной победы
в глазах соседнего соседа.

Кто не на площади,
спешат к веселью.
Потеют лошади
на карусели.

И пусть знамёна
полны тревоги,
и неуют, сырой возни,
преодолённая эсхатология
гремит салютом
в такие дни.

Танк

Мне было лет, наверное, семь.
Мама делала фигурные печенья.
Я попросил кусок теста
и вылепил танк.
До сих пор помню — белый на блестящем
противне.
А потом испугался, что шпионы из США
сняли это через наше
кухонное окно.
Мне стало темно.
Я видел уже заголовок в американской прессе:
Советские дети бредят войной.
Представлял, как в школе
разберутся со мной.
Доска позора. Родителям на работе взвесят.
А я просто хотел вылепить танк,
узнать, как рисунок
смотрится в тесте.
И, наверное, чувствовал,
что мир сквозной.
И мы фигурируем в заголовках
Божьей прессы.

* * *

Родителям

Было бы правильным рассказать о тебе,
Косая Гора,
посёлок детства,
о влажном блеске вечерних змеящихся улиц
и чём-то таком.
Но я гляжу в свою темноту,
и теряется резкость,
и вместо силлабо-тоники в горле ком.
Воспеть вас, дома, которые строили пленные немцы,
портал планетарный — кинотеатр «Старт»,
выжить
и древним греком вернуться, взглядеться,
в китайскую яблоню,
глеющую в дожде,
райскую яблоню,
с которой мой начинался шар.

* * *

После Нобелевской лекции.
Лимузина.
Ужина при свечах.
Того, что казалось нужным
и было пустой коробкой.

Он поехал в Португалию и в этих знойных ночах,
среди обшарпанных стен,
прячась в подворотнях,
прикуривая от спичек,
глядя на птичек,
вёртких, как буквы
в юности,
перенедужил.

И кто-то большой разговаривал с ним.
Потому что теперь
его не читали.
Он был храним.

* * *

Делись
либо определись
на фоне снега
пригорков
мелькающих лис
шёл кто-то похожий
вокруг был шестнадцатый век
и с неба сходил
схожий снег

и все это было частью того что сейчас вокруг
а может быть только было
и ты про другое друг

а может быть снег только этот
и лисы уже иные
но холод идёт по свету
и ручки блестят дверные.

* * *

В одной из тульских церквей
есть икона
со святым Пантелеймоном,
который похож на врача
в период массовой болезни,
усталый взгляд
словно отправлен внутрь
на поиски дополнительного ресурса.
К нему идут и идут.
Даже золото фона кажется вымотанным.
Когда смотришь на эту икону,
посылаешь ему сил.
Тем более нужных,
что он не просил.

* * *

Как-то один человек сказал,
что время уходит,
время сидело, кстати,
с ним за столом,
в большой компании

и только собиралось выдать солёную шутку
и поднять за друзей.
И тут на тебе,
мол, на выход,
с вещами.
Вы понимаете.
В общем, у того человека
теперь болит ухо,
всякий раз,
когда он вспоминает о времени.
И в барах, когда снегопад, тоже.

* * *

Начинает работать мой механизм.
Подбираю слова,
проглядываю на просвет,
словно стеклянные шарики.
Разный колер, призраки косточек виноградных
внутри,
есть слова, в которых митингует бурьян, в других сыплется снег.
В общем, при случае сам посмотри.
Это техника, друг. Или магия
ремесла.
Я хотел в этот цех.
И теперь я, похоже, из их числа.
Просыпаясь ночами, вижу приметы слов.
Шевелю губами. Господи, помоги
этот шар огромный и, наверное, эту любовь
словно бусину с ниткой соединить.